АДРИАН ПЛИНТ
И ЛЕКСИЧЕСКАЯ ИНФЛЯЦИЯ

Евгения Компаниец

Дело о пропавшем эпитете

https://litres.ru/74703043
SelfPub; 2026

Аннотация

Лондон. Наши дни. Город, где слова теряют свою покупательную способность, а эпитеты уходят в подполье.

В этом мире живет Адриан Плинт — частный детектив, чья квартира-офис находится в заброшенной насосной станции под Ватерлоо, а единственным надежным другом является бита для крикета и стремительно пустеющая бутылка джина. Плинт — лексический экзистенциалист. Он не ищет неверных мужей или украденные бриллианты; он специализируется на поиске пропавших слов. Когда у герцога исчезает «непроницаемый» вид, а у дебютантки — «хрустальный» смех, за дело берется Плинт.

Евгения Компаниец
Дело о пропавшем эпитете

Адриан Плинт. Два дела лексического детектива
Интеллектуальный детектив, абсурдистская комедия

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
«Дело о пропавшем эпитете»
«Дело о пропавшем эпитете»

Лондон в то утро напоминал плохо промасленный сэндвич: серый, влажный и оставляющий после себя стойкое ощущение лёгкой, но неотвязной тоски. Я, Адриан Плинт, человек, чьё единственное достижение к тридцати семи годам заключалось в виртуозном умении терять перчатки (на тот момент счёт в этом меланхоличном состязании шёл 114:0 не в мою пользу), стоял на платформе вокзала Кингс-Кросс и смотрел на часы. Часы, разумеется, врали. Часы в романах подобного толка всегда врут, дабы дать герою лишние три минуты на экзистенциальный кризис.

— Вы, должно быть, мистер Плинт? — голос прозвучал над самым ухом, пахнущий лавандой и лёгким безумием. Я обернулся. Передо мной стоял мужчина, который, казалось, сбежал из витрины портного на Сэвил-роу, предварительно проглотив вешалку. Его осанка была настолько безупречной, что казалась архитектурным изыском.

— Совершенно верно. А вы, позвольте предположить, тот самый Куинси Харботтл, чьё письмо я имел честь проигнорировать трижды? В нем ещё было столько избыточных запятых, что я принял его за шифровку. Харботтл улыбнулся уголком рта — той самой улыбкой, которой улыбаются люди, только что потерявшие миллион фунтов, но вспомнившие, что у них в шкафу осталась ещё одна бутылка приличного кларета.

— Запятые, мой дорогой Адриан, — это дорожная полиция синтаксиса. Без них предложения столкнулись бы в чудовищной, не поддающейся анализу автокатастрофе. Но перейдем к делу. Вы, как мне известно, лучший в Лондоне специалист по поиску пропавших слов.

— Я предпочитаю термин «лексический детектив», — поморщился я. — «Специалист» звучит так, будто я умею чинить бачки унитазов. Моя специализация — эпитеты. Когда у герцога пропадает его любимый «непроницаемый», а у дебютантки исчезает «хрустальный» смех — это ко мне. Существительные и глаголы слишком банальны, они всегда на виду. А вот прилагательные — хрупкие, пугливые создания. Они испаряются первыми, когда из жизни уходит смысл.

— Именно, — кивнул Харботтл, доставая из внутреннего кармана серебряный портсигар, который выглядел так, будто лично присутствовал при подписании Великой хартии вольностей. — У меня пропало слово. Одно-единственное. Но оно держало на себе всю конструкцию моей реальности. Сло-

во «безупречный».

— Вы потеряли «безупречный»? — я приподнял бровь. — Это серьезное обвинение. Обычно люди теряют совесть, ключи от «Бентли» или веру в человечество. Но потерять прилагательное... Это требует особого рода рассеянности. Или, напротив, пугающей концентрации.

— В прошлую среду, — Харботтл понизил голос до драматического, почти вагнеровского шепота, — я проснулся, посмотрел в зеркало и не смог его применить. Я сказал себе: «Куинси, ты выглядишь сегодня...» И повисла пауза. Чёрная, зияющая дыра в самом центре моего утреннего нарциссизма. Я перебрал все синонимы. «Идеальный»? Слишком по-американски, отдает стоматологией. «Безукоризненный»? Фальшивая монета. А «безупречный»... Мой «безупречный» исчез. Растворился в эфире, как сахар в слишком горячем чае. И с тех пор, Адриан, мир начал осыпаться. Мой твидовый костюм сел на полразмера. Мой дворецкий, Реджинальд, начал мне хамить. А моя коллекция викторианских табакерок... она просто кажется мне теперь грудой раскрашенной жести. Найдите мне моё слово. Я вздохнул и посмотрел на свои руки. Левой перчатки снова не было. Кажется, это дело обещало быть самым дорогим и самым безнадежным в моей практике. Найти потерянный эпитет в городе, где люди ежедневно теряют самих себя — что может быть абсурднее? Разве что попытка написать об этом книгу, не скатившись в невыносимую, почти преступную баналь-

ность. Впрочем, об этом я решил побеспокоиться на следующей странице. Я налил себе вторую за утро чашку отвратительного вокзального чая — жидкости, чей химический состав, судя по вкусу, нарушал сразу три женевских конвенции, — и повернулся к Харботтлу.

— Прежде чем мы начнем прочесывать метафизические подворотни вашего сознания, — сказал я, — мне нужно задать несколько вопросов. Медицинских. Лексические расстройства редко ходят в одиночку. Вы, случаем, не падали в детстве головой в ящик с буквицами? Не злоупотребляете ли в последнее время омонимами? И главное: не было ли в вашей жизни в последние сорок восемь часов моментов невыносимой, звенящей искренности? Искренность — это главный растворитель прилагательных. Стоит человеку один раз честно сказать «Я тебя люблю» без задней мысли, как половина его словарного запаса отправляется в бессрочный отпуск на Мальдивы. Харботтл побледнел так, что его лицо стало почти в тон его крахмальному воротничку.

— Вчера вечером, — выдавил он. — Я ужинал с Элеонорой.

— Элеонора — это ваша жена? — уточнил я.

— Это моя теща. Жена, к счастью для моей нервной системы, сейчас в Биаррице. Так вот, мы обсуждали фонд по спасению вымирающих видов моли. И Элеонора, эта женщина, чей лексикон состоит преимущественно из междометий, выражающих неодобрение, и названий редких сортов спар-

жи, вдруг отложила вилку. Она посмотрела на меня своими водянистыми, как несвежий бланманже, глазами и сказала: «Куинси, ты был единственным светлым пятном в жизни моей дочери, пока не начал тратить ее деньги на этих ужасных механических бабочек». А потом... потом она прослезилась.

— Боже правый, — я машинально потянулся к карману за блокнотом, но пальцы схватили лишь пустоту. Левая перчатка. Точно. Она осталась на Кингс-Кросс. — Элеонора прослезилась. Это меняет дело. Прослезившаяся теща — это лингвистический эквивалент нейтронной бомбы. Она уничтожает смысл, оставляя нетронутой архитектуру гостиной. Ваше «безупречный» не просто потерялось. Оно получило тяжёлую контузию и сейчас прячется где-то в дальних отделах вашего мозга, обхватив голову руками.

— Вы можете его вернуть? — спросил он с надеждой, которая в его положении выглядела почти неприлично.

— Я могу попытаться. Но мне понадобится доступ. Не к вашему разуму — туда я не полезу даже в резиновых сапогах. Мне понадобится доступ к местам, где это слово могло оставить след. Слово такой весовой категории не исчезает в вакууме. Оно оставляет квитанции. Мы покинули вокзал, и Лондон встретил нас своей фирменной изморосью — той самой, что, кажется, выпадает не из облаков, а сочится прямо из серого камня, пропитывая твид насквозь до самого пессимизма.

— Начнем с очевидного, — я поднял воротник. — Вы

проверяли карманы своего верескового пиджака? Карманы аристократии — это Бермудский треугольник для мелкой моторики и абстрактных понятий. Мой дядя однажды потерял там чувство собственного достоинства и нашёл его только через полгода в подкладке охотничьей куртки, пахнущее торфяным виски.

— Проверял, — убитым голосом ответил Харботтл. — Дважды. Там только монограмма, чек из «Фортнума» и перхоть.

— Хорошо. Тогда едем в Британскую библиотеку. Если ваше слово решило дезертировать, оно наверняка сейчас сидит в читальном зале редких рукописей, притворяясь наречием, и делает вид, что всегда там работало. Мы поймали кэб. Водитель, чья борода могла бы служить естественным укрытием для небольшой популяции певчих птиц, выслушал адрес и хмыкнул.

— В библиотеку, значит? — прогудел он голосом, похожим на скрип несмазанной гильотины. — Что, сэр, книгу пишете?

— Пытаюсь найти слово, — ответил Харботтл.

— Слово? — кэбмен осклабился, обнажив зубы цвета старого пергамента. — Я вам так скажу, сэры. Лучшее слово, которое я знаю, — это «свободен», когда счётчик обнуляется. А всё остальное — это просто шум, чтобы не слышать, как у тебя в кармане звенит пустота. Высшая философия, доложу я вам. Я откинулся на потертое кожаное сиденье. Хар-

боттл сидел прямой, как аршин проглотивший, и смотрел в окно на плывущие мимо фасады Бейкер-стрит.

— Знаете, что самое ужасное в потере «безупречного», Адриан? — тихо спросил он, не поворачивая головы.

— Что оно, скорее всего, счастливо в своей новой, бестелесной жизни? — предположил я.

— Нет. Самое ужасное — что я начинаю замечать его отсутствие у других. Я читал сегодня «Таймс». Там пишут о премьер-министре. О его «решительных действиях». И я поймал себя на мысли, что это ложь. Его действия не решительные. Они... они просто действия. Глаголы без прилагательных. Мясо без соли. Жизнь, мистер Плинт, без прилагательных — это просто протокол вскрытия.

— Глубоко, — кивнул я. — Почти на глубину лужи на Стрэнде. Мы приехали. Здание Британской библиотеки возвышалось перед нами, похожее на гигантскую, слегка обиженную крепость из красного кирпича. Внутри пахло старой бумагой, пылью и несбывшимися амбициями тысяч исследователей.

— План такой, — сказал я, пока мы шли мимо бронзового изваяния сэра Исаака Ньютона, который выглядел так, будто только что уронил яблоко себе на ногу. — Вы идете в отдел этимологии. Ваше слово — качественное прилагательное. Оно гордое. Оно захочет знать, откуда оно родом. Я же наведаюсь в отдел периодики. Слова, которые чувствуют приближающуюся старость или потерю смысла, часто пыта-

ются заново изобрести себя в колонках светской хроники. Они надевают маски сленга. Вполне возможно, ваше «безупречное» сейчас тусуется где-нибудь в Сохо, называет себя «чек» или «топ» и делает вид, что никогда не учило латынь.

— А если мы его не найдем? — спросил Харботтл, останавливаясь у стойки регистрации.

— Тогда, — я посмотрел на свои голые без перчатки пальцы, — мы начнем искать того, кто его украл. А у слов, мистер Харботтл, как и у бриллиантов, всегда есть скупщик. И поверьте, скупщики прилагательных — самые страшные люди в этом городе. Они торгуют чужой уверенностью в себе фунтами. Библиотекарь, женщина, чей взгляд мог бы остановить экспресс до Эдинбурга, посмотрела на нас поверх очков.

— Господа? — ее голос не предполагал наличия в мире лишних слов.

— Мне нужно в этимологию, — пискнул Харботтл. — Кажется, я потерял своё происхождение. Женщина на секунду замерла, ее мозг явно пытался обработать этот запрос, не нарушив устава библиотеки. Затем она молча протянула нам две пары войлочных тапочек. Мы ступили на священный ковер читального зала. И в ту же секунду, под сводами, где веками спали мертвые языки, я почувствовал это. Лёгкий сквозняк. Словно где-то вдалеке, между стеллажами с фолиантами по древнеисландскому праву, только что беззвучно закрылась дверь. И в воздухе повис едва уловимый, но абсолютно узнаваемый запах озона и дорогого крахмала.

— Мистер Харботтл, — прошептал я, хватая его за локоть. — Боюсь, мы опоздали. Ваше слово не просто потерялось. Его взяли в заложники. И судя по запаху крахмала, похититель работает в прачечной для членов Палаты лордов. Кэб, который мы остановили, выглядел так, будто его собрали из остатков трёх других кэбов после неудачного аукциона. Внутри пахло мокрой псиной, застарелым одиночеством и тем специфическим сортом лимонных леденцов, которые, кажется, раздают только в приемных стоматологов и в кабинетах Скотланд-Ярда для подавления паники.

— «Достаточно», — повторил я, захлопывая за собой дверцу. Внутри щёлкнуло, и с потолка посыпалась чешуйка краски, подозрительно похожая на перхоть. —Опасное слово, Куинси. «Достаточно» — это Рубикон. Как только вы его произнесете, вам придется либо признать, что ваша жизнь удалась, либо признать, что она провалена. Третьего не дано. Британская империя рухнула именно из-за этого слова. Кто-то в казначействе в 1945 году сказал: «Пожалуй, Индии нам достаточно», — и посмотрите, где мы теперь.

— Я не строю империю, Адриан. Я всего лишь хочу вернуть себе право на завтрак без подсчета калорий в уме, — Харботтл смотрел в окно на плывущие мимо мокрые зонты Пикадилли. — Кстати, о калориях. Я зверски голоден. И мне совершенно наплевать, что в «Кларидже» сейчас сезон спаржи и Элеонора устроила бы по этому поводу национальный траур. Остановите здесь. Кэбмен, чей профиль напоминал

плохо отесанную горгулью, хмыкнул.

— «Кларидже»? — просипел он. — Сэр, в «Кларидже» вас в этих тапочках даже до помойки не пустят. А уж спаржу там подают с таким количеством золота, что ее можно использовать как обеспечение государственного займа.

— Тогда в «Рулз», — не моргнув глазом, ответил Харботтл. — На Ковент-Гарден. И если вы скажете, что туда нельзя в тапочках, я куплю это заведение и прикажу вымыть вам рот хозяйственным мылом. Водитель замолчал. Я видел, как в зеркале заднего вида его мозг пытается вычислить, блефует ли человек, у которого на манжете пятно от яйца пашот, или он действительно способен купить «Рулз» просто для того, чтобы заткнуть рот таксисту. Желание выжить победило любопытство. Он хлестнул поводьями.

«Рулз» встретил нас тем, чем и должен был — запахом старого дерева, устриц и непоколебимого викторианского снобизма. Метрдотель, человек, чья талия, казалось, была затянута в корсет из чистого презрения, открыл рот, чтобы произнести сакраментальное «Сэр, боюсь, у нас сегодня закрыто на спецобслуживание для призраков», но наткнулся на взгляд Харботтла. Взгляд Куинси изменился. В нем больше не было панической вежливости человека, пытающегося соответствовать. Там появилось что-то от сытого, слегка раздраженного льва, которого разбудили ради какой-то ерунды.

— Послушайте, — сказал Харботтл тихо, но так, что было слышно на кухне. — Я только что пережил тяжёлый экзи-

стенциальный кризис. Я потерял прилагательное, нашёл его, чуть не продал свою душу скупщику филологического антиквариата, и теперь на моем манжете пятно. Я намерен съесть стейк. Если вы скажете ещё хоть слово о дресс-коде, я сниму этот пиджак, надену его вам на голову, а сам сяду за ваш столик в одной рубашке. Выбор за вами. Метрдотель моргнул. Его лицо пошло пятнами, как старая гравюра. Он молча поклонился и провел нас к столику у окна.

— Нам бутылку «Шато Мутон-Ротшильд» пятьдесят третьего года, — бросил Харботтл, изучая меню так, словно это был обвинительный приговор. — И два стейка. Прожарку не спрашивайте. Просто принесите мясо, которое ещё вчера имело наглость смотреть на мир. И хлеб. Обычный хлеб. Не тот, что посыпан пылью из карьерных амбиций. Когда официант, слегка позвякивая подносом от волнения, удалился, Харботтл откинулся на спинку стула и закурил. Он делал это с той ленивой грацией, которая дается либо потомственным аристократам, либо людям, которым только что вернули их синтаксис.

— Знаете, что самое забавное, Адриан? — он выпустил идеальное кольцо дыма. — Сайлас был прав. Отчасти. Когда «безупречный» вернулся, он не стал мне впору. Слово жало под мышками. Я примерил его перед зеркалом, пока ждал вас, и понял, что выгляжу в нем как трансвестит на благотворительном вечере — отчаянно, но неубедительно. Оно стало... чужим.

— Инфляция, — кивнул я, принимая бокал от официанта. — Вы слишком долго жили без него. Рынок перенасыщен. Ваше «безупречное» теперь стоит не больше, чем «потрясающий» в устах подростка. Оно обесценилось.

— Именно, — Харботтл отсалютовал мне бокалом. — За обесценивание. Пусть акции наших достоинств падают. Зато мы наконец-то можем дышать. Мы выпили. Вино было именно таким, каким и должно быть вино за четыреста фунтов — оно не пыталось вам понравиться. Оно просто знало, кто оно такое.

— Куда теперь? — спросил я, когда со стейками было покончено. Мясо действительно имело характер. — Искать «непроницаемый» вашей жены? Или, может, «хрустальный» смех дебютанток? Признаться, Куинси, моя лицензия детектива не покрывает кражу метафор. Я специализируюсь на смыслообразующих единицах. Харботтл промокнул губы салфеткой. На ней осталось красное пятно. Он посмотрел на него с лёгким интересом, а не с ужасом.

— Нет, — сказал он. — С Агнессой — это моя жена, Адриан, та самая, что в Биаррице, и которая, к слову, изменяет мне с инструктором по виндсерфингу, что делает ее смех скорее «хриплым», чем «хрустальным» — я разберусь сам. Без посредников. Я просто отправлю ей счёт за ремонт ее эмоционального «Ягуара». Он положил на стол несколько купюр. Сумма была оскорбительно щедрой.

— Я нанял вас, чтобы найти слово, — продолжил он. —

Но вы нашли мне кое-что получше. Вы нашли мне право на несовершенство. Считайте это моим лучшим капиталовложением. Он поднялся.

— И всё же, — он нахмурился, глядя на свой пиджак. — Это пятно. Оно меня раздражает. Не потому, что портит вид. А потому, что оно случайное. Мой старый «безупречный» Куинси никогда бы не допустил случайного пятна. А новый Куинси... новый Куинси хочет, чтобы мир соответствовал реальности. Он посмотрел на меня в упор.

— У вас ведь наверняка есть химчистка, Адриан? Какая-нибудь мрачная лавка в Сохо, где работают люди, которые знают о пятнах больше, чем Интерпол о наркотрафике. Такое место, где можно вывести даже совесть с чёрного рынка. Я усмехнулся.

— Есть такое место. «Бертрам и сыновья». В переулке за Британским музеем. Старик Бертрам — мой бывший клиент. Я как-то нашёл ему потерянный «незыблемый» покой. С тех пор он чистит мне пальто бесплатно. И, Куинси...

— Да?

— Если вы действительно собираетесь к жене... купите ей цветы. Но не «роскошные». И не «изысканные». Купите просто... жёлтые. Харботтл долго смотрел на меня, а потом впервые за весь день рассмеялся. Это был не «хрустальный» смех. Он был прокуренным, немного скрипучим и абсолютно, совершенно счастливым.

— Жёлтые, — повторил он. — Как пятно на моем ман-

жете. Вы опасный человек, Адриан Плинт. Вы заставляете людей быть собой.

— Кто-то же должен, — пожал я плечами. — Иначе Сайлас скупит все слова на корню, и нам придется общаться исключительно междометиями. Идемте, пока дождь не превратил Лондон в акварельную размазню. Химчистка «Бертрам и сыновья» пахла перхлорэтиленом, нафталином и несбывшимися надеждами. Сам Бертрам, высохший старик, напоминающий плохо выделанную мумию в жилетке, сидел за конторкой и смотрел на нас поверх очков-половинок с выражением патологоанатома, которому привезли слишком жизнерадостный труп.

— Плинт, — проскрипел он вместо приветствия. — Я знал, что ты вернешься. У тебя в кармане снова дыра, а на лице — похмелье, которое грамматически требует дополнения в виде ещё одной порции джина.

— Это не похмелье, Бертрам, это морщины глубокого мыслителя, — я снял пальто и протянул его старику. — А это мистер Харботтл. У него экзистенциальный кризис средней тяжести и пятно от яйца пашот, которое отказывается признавать классовую иерархию. Бертрам взял пиджак Куинси двумя пальцами, словно это была ядовитая змея. Поднес к глазам. Понюхал.

— «Яйцо пашот», — констатировал он с уважением. — Редкий зверь. Обычно в Сити на манжеты попадает только желчь и остатки совести. Это будет стоить вам фунт. И вашу

историю. Я не видел пятен от пашота с тысяча девятьсот восемьдесят второго года, когда один барристер проиграл дело всей жизни из-за того, что его яичница свернулась прямо во время заключительной речи. Харботтл, который за последние сутки прошел путь от «безупречного» до «просто Куинса», лишь устало махнул рукой.

— Забирайте пиджак, Бертрам. И историю тоже. Только, ради бога, не пытайтесь вывести из неё мораль. Она там не ночевала. Мы вышли обратно под моросящий дождь. Вечер опускался на Лондон, как тяжёлое, сырое одеяло. Газовые фонари — или что там теперь вместо них, эти безжизненные светодиоды, убивающие всякую романтику — зажигались с удручающей пунктуальностью.

— Куда теперь? — спросил Куинси, засовывая руки глубоко в карманы. — Ко мне? В мою стерильную, пахнущую деньгами и одиночеством пещеру в Белгрейвии? Я могу заказать нам еду из «Дорчестера», и мы будем молча смотреть на то, как она остывает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.